Ольга Ларионова
Лабиринт для Троглодитов

Ольга Ларионова

Лабиринт для троглодитов

Серия «Лабиринт для троглодитов», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131018
Ларионова О. Лабиринт для троглодитов: Авторский сборник: Детская литература; Л.; 1991
ISBN 5-08-000016-3

Аннотация

В то время, как солидные светила земной науки самоуглубленно ищут ключ к загадке гибели инопланетной цивилизации, главная героиня, юная девушка, пытается всего-навсего разобраться в собственных чувствах. Только вот ответы на все вопросы первой находит почему-то именно эта юная практикантка, а не «светила» с мировыми именами.

Третья книга фантастической трилогии «Лабиринт для троглодитов» о проблемах контакта с внеземными цивилизациями. В этом цикле Ольге Ларионовой удалось найти редкое и удачное сочетание романтики пограничья, дальних странствий и неведомых островов с чисто женским взглядом на мир, когда первостепенное значение для автора и героя имеет не сам событийный ряд, а то, как происходящее повлияет на взаимоотношения между людьми.

Содержание

* * * 4
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ольга Ларионова
ЛАБИРИНТ ДЛЯ ТРОГЛОДИТОВ

* * *

Бесшумно перебирая ледяные скобочки трапа, Варвара спустилась с грузового горизонта и мягко спрыгнула на гулкий металлический пол, в очередной раз радуясь тому, что ее не заставили обуться в тяжеленные экспедиционные ботинки.

– Мороз-воевода дозором… – пробормотала она и тут же сморщила нос – нет, не свои это были владения; И тут, и тем более там, за бортом. Тем внимательнее надлежало быть с дозором.

Она заглянула в кубрик, откуда доносился семиголосый храп. Потолок едва светился золотисто-коричневым люминофором, и лица спящих выглядели одинаково загорелыми – чуть ли не до нигерийской черноты. На самом деле это было не так. Варвара сделала шаг вперед и очутилась в узеньком проходе между трехъярусными рядами коечных гнезд – слева шесть и справа столько же. Интересно, когда звучит сигнал тревоги или даже обыкновенный подъем, как это им удается не стукаться лбами в такой тесноте? Она поддернула обшлаг рубашки и глянула на часы: что ж, через один час и двадцать три минуты это можно будет проверить экспериментально.

Нижняя правая койка прогнулась и захрустела – это Сегура, первый пилот, вытягивался во весь рост. Если бы не эти два метра и двадцать сантиметров, Варвара никогда не усомнилась бы в том, что перед нею – самый благовоспитанный и застенчивый житель страны Восходящего Солнца. Гармоничность образа разрушали габариты гризли и голос, напоминающий охрипшего бизона.

Его сосед, Кирюша Оленицын, несколько уступал космолетчику в росте, но был развесист и розов, как цветущая яблоня. В бронзовом освещении он казался старше на добрый десяток лет.

Медбрат Дориан, на дневном свету белый, как Пьеро, и во сне выглядел печальным и сосредоточенным. Мумия бездушная, вот он кто. Варвара всегда считала себя – и не без основания – натурой замкнутой и мрачноватой, но по этим качествам Дориан давал ей все сто очков вперед. Четвертым на этой стороне был Петрушка, уже успевший истосковаться по своему серому козлику. Богатейшая мускулатура, пожалуй, слишком великолепная для спортсмена-любителя, делала его похожим на фавна, но эта аналогия разом улетучивалась, стоило только взглянуть на его рыжие патлы. Если прибавить сюда вечную немного смущенную улыбочку, то больше, чем на лешего-подростка, он не тянул. За что Варвара его и любила.

Нижнюю койку слева отвели Грише Эболи, которого кое-кто поддразнивал «принцессой Эболи», и Варвара все не удосужилась поинтересоваться, а что бы это значило. Гриша – беда и забота всего экипажа: только две недели как из госпиталя, и хотя всемогущая Манук гарантировала его стопроцентное выздоровление, вид у него после всей мануковской интенсивной терапии был бледнее некуда.

Над Гришей сладко посапывал Сусанин, они с Сегурой – два сапога пара. Самозванный начальник экспедиции, которую никто не посылал, – просто погрузились в кораблик стратегов, брошенный на время отпуска на тамерланском космодроме, и полетели. А кто бы на их месте не полетел?

И третья полка, с высоты которой никаких звуков не доносится. Скульптурный профиль. Какое неподвижное, чужое лицо! Каково-то тебе в рядовых, командор? Она припод-

нялась на цыпочки, вглядываясь все пристальнее и пристальнее, не то пытаясь распознать что-то ускользнувшее от нее, не то испытывая собственную твердость духа. Твердость оказалась хоть куда. «Для меня вы все равны, все удалы, все умны, всех я вас… гм… люблю сердечно…» Что-то изменилось в застывшем лице, стало напряженнее, как от внутренней боли. Варвара беззвучно ахнула – как же это она забыла, что нельзя пристально глядеть на спящего! А что, если и он, в свою очередь, будет так же спокойно и холодно разглядывать ее? Ведь через день-два настанет и его черед стоять на вахте!

Девушка попятилась и бесшумно выскользнула из кубрика. Сладко потянулась. Еще час и пять минут героической борьбы со сном. Ровно через час и пять минут она хлопнет в ладоши и крикнет: «Мальчики, подъем!» – и будет наблюдать, как они выпрыгивают из коек и сшибаются лбами. Удовольствие, конечно, относительное, но уж очень она рассердилась, когда ее безоговорочно назначили в первую вахту. И откуда это традиционное заблуждение, что первая вахта – самая легкая? Ведь и там, на распластавшихся над морем «шпалах», Келликер назначил в первую вахту не кого-нибудь, а именно ее.

Она вдруг замерла и прислушалась, хотя урчание вентиляционных насосов начисто глушило сонный храп, оставшийся за полуоткрытой дверью. Посторонних, настораживающих звуков не было, но привычный гул насосов, без которого ее таксидермичка никогда не обходилась, здесь звучал чуточку по-другому. Раньше это было просто мурлыканье исполинского дымчатого кота – «ырры, ырры», дружелюбно-безразличное, нейтральное; сейчас же в кошачьих вздохах появилось что-то удивленное – «дрррругие… дрррругие… дрррругие…».

Другие. А ведь и правда, кроме нее, ни одного человека из тех, что вышли тогда, в день исчезновения Степки, к проклятым Воротам, не было сейчас на корабле. Серафина и Солигетти так и остались там, на галечном берегу, и недвижные арки навсегда успокоившихся чудовищных ловушек так и останутся им страшными, нерукотворными памятниками. Параскив и Темрик улетели, первый – сопровождая телят, второй – красу свою ненаглядную. Келликер один за всех сейчас крутился между Пресепторией и Новой, разгораживая побережье малоэффективными барьерчиками психогенной защиты, – еще бы, перистых удавов видели уже на космодромной площадке.

И еще Лерой…

Варвара вздохнула и продолжила свой обход. Камбуз, рубка, шлюзовая. И еще две двери неизвестного назначения, но они заперты. Шесть отсеков жилого горизонта, и все двери выходят сюда, на площадку шахтового ствола. За одной из закрытых дверей, вероятно, подъемник, потому что сразу после приземления (гм, приземления – надо было сказать: при-чар-та-ру… тьфу, язык поломаешь) – сразу после посадки на Чартаруму Сегура вроде бы лазал вниз, в двигательный отсек, но Варвара не заметила, чтобы подымался люк. Она тихонько постучала носком по гулкой металлической крышке – резонанс выдавал многослойность перекрытия. Нет, эта махина не открывалась. И, препоручая притихший корабль ее заботам, Сусанин ни словом о нижнем горизонте не обмолвился. Ну что ж, меньше забот.

Она толкнула ногой следующую дверь и вошла в камбуз. Как и следовало из ее весьма своеобразного характера, исконно женское тяготение к виртуозной стряпне никогда не значилось в списке ее немногочисленных достоинств. Отсюда приходилось довольствоваться кухонными автоматами, и они были привычны, как вакуумные насосы. Но только не здесь. Ай да Голубая команда, альбатросы глубокого космоса! Съемочную аппаратуру они у начальства вытребовать не удосужились, всякие там «Соллеры» достались космической журналистике в лице – да еще в каком лице! – вспоминать не хочется. Зато кухонная автоматика была явно из четвертого тысячелетия. Не было бы счастья, да несчастье помогло – после болтанки, сопровождающей каждый переход из подпространства и обратно, Варвара несколько часов не могла даже подумать об еде. Жажда одолевала, но в рубке было несколько встроенных сифонов с соками и минеральной водой, а кроме того, Сусанин про-

явил неслыханную предусмотрительность и оставил на пульте два кислющих яблока. Но если бы девушке захотелось чего-нибудь посущественнее, она не знала бы, как и подступиться ко всему этому электронно-вибрационно-левитационному оборудованию. Сидела бы и лапу сосала, как тот скоч, что валялся в углу в позе академического сфинкса.

– А кто же мальчиков кормить будет? – задумчиво пробормотала она, адресуя этот риторический вопрос пульту конфорочного управления. Скоч, однако, принял вопрос на свой счет и вздыбился, как богомол.

– Вафель? – спросила Варвара, безуспешно пытавшаяся запомнить стратегических роботов «в лицо».

– Трюфель.

– Мог бы добавить: к вашим услугам. Готовить умеешь?

– Готовит автоматическая дистанционно управляемая многозарядная плита.

– Я спрашиваю – запрограммировать ее на завтрак сможешь?

– Да.

– Легко, питательно, калорийно… Значит, так: омлет с грибами, фрикадельки из форели, или подбери что-нибудь похожее, фруктовый салат под кокосовым кремом, вели взбить получше. Хватит?

– Мало.

– Ну знаешь, тут тебе не твои обжоры! Петрушка на диете, Дориан привереда, Гриша без аппетита… Гречневую кашу добавь. С китовым молоком. И всего – по семь порций. Понял?

– Да.

– Кофе и шоколад – на выбор. Готовность – через пятьдесят минут.

Вопросительная форма отсутствовала, поэтому скоч не удосужился хотя бы кивнуть. С одной стороны, это было хорошо, что их запрограммировали на минимальную болтливость, – втайне Варвара не могла отделаться от ощущения, что после какой-нибудь реплики этот гигантский вороненый муракиш обернется к ней и уронит свое презрительное: «тупица». Но похоже было, что по отношению к людям скочи себе лишнего не позволяли. С другой стороны, каждый раз, отдав распоряжение, она сомневалась – а правильно ее поняли или нет? Вот и сейчас – знает ли он, что такое форель? А кокос? И спросить как-то неудобно…

Мало того, что никого из прошлой группы, так и роботов своих взять не позволили. Пегги здесь не нужна, но вот с Полупегасом можно было бы хоть поговорить по-человечески.

Она махнула рукой и пошла в шлюзовую. Войти туда, собственно говоря, было невозможно: шла продувка всех помещений, и навстречу бил поток холодного, припахивающего арбузной коркой воздуха. Скоч, прижавшийся к комингсу, следил за вентиляционной установкой.

– Туфель?

– Вафель.

Ах, да, у него же единичка на оконечности вычислительного бурдюка. Хоть бы их покрасили в разные цвета, что ли…

– Решетку не забило? – Это так, для порядка: если бы забило, не было бы такой сильной струи.

– Нет.

И этот на лишнее слово не расщедрится.

– Ну ладно, через сорок пять минут выключишь.

Он это и сам знает, и весь этот диалог только для того, чтобы не уснуть на ходу. Осталась рубка, но там дежурит еще один скоч, и раз он не вызвал ее по внутреннему фону, зна-

чит, ни на экранах, ни в иллюминаторах не появилось ничего стоящего внимания. Да, вот и он – воздвигся столбиком посередине помещения, словно суслик на пригорочке, морда устремлена в зенит, все шесть глаз нацелены в разные стороны – ничего не пропустит.

– Фофель?

– Туфель.

Хоть бы раз угадать! Она обошла сторонкой насекомоподобного часового, уселась в кресло первого пилота. На выдвижном столике – две стопки бумаг: слева распечатка информации, полученной с чужого спутника, справа – снимки местности, поступающие с вертолета. На вертолете четвертый скоч, и вот уже шесть часов они выписывают замысловатую спираль вокруг корабля… Вокруг двух кораблей.

Варвара положила ладони на столик, так что квадратик радиограммы, заложенный под стекло, пришелся между пальцами, как в окошечке. Текст она – да и все на корабле – помнила наизусть: «SOS! SOS…… …паж похищен капибарами. Преследование невозможно. Лабиринты. Промедление гибельно. Лес…»

Варвара растерла виски, отгоняя сон. Сидя это давалось уже труднее.

– Туфель, – проговорила она не очень внятно, – ты сможешь заметить, когда я усну?

– Да.

– Тогда, голубчик, ущипни меня за ногу, – она покосилась на черное щупальце, свесившееся до самого пола, – только так, чтобы следов не осталось!

Теперь можно было откинуться в кресле и немножко подумать. До подъема тридцать четыре минуты, и все это время она сознательно не думала о том, что же находится за округлыми глазницами иллюминаторов. Ее оставили главной по кораблю, и прежде всего надо было не допустить, чтобы на борту хоть что-нибудь пошло не так. Хотя как это – «так», она не знала. Корабль был для нее чужим домом, и в его превосходных титанированных стенах она чувствовала себя хоть и в безопасности, но в глухой изоляции от всей Вселенной, словно запаянная в консервную банку. Лишенная ветра, запахов и тех живых волн, которые сделали бы для нее Чартаруму хоть на чуточку своей, она все эти пять с половиной часов провела в чутком напряжении, поначалу до предела обострившем все ее чувства, а затем незаметно притупившем их непобедимой сонливостью. Она знала, что принадлежит к немногочисленной породе существ, неспособных жить при затворенных окнах, и сейчас только и спасалась тем, что твердила себе: еще столько-то минут… теперь меньше… еще меньше… А потом ее ждала воля – холодный ветер чужого мира с запахом астраханского арбуза.

…паж похищен капибарами…

Два громадных грызуна бесшумно проскользнули за спиной, унося в зубах кукольную фигурку – тряпочного Пьеро с волочащимися по земле белыми лентами… Ой!

– Ты что, обалдел? Я же велела, – потихоньку, чтобы синяков не осталось!

Скоч высокомерно промолчал. Ладно, впереди еще не одна вахта, будет возможность сбить спесь с этих жужелиц. Сколько еще осталось? Двадцать две минуты. Вот уж никогда не думала, что спасательная экспедиция на незнакомую планету может вылиться в такую тощищу!

А между прочим, тоскливо бывает только от незнания. Был бы на ее месте Сегура – не сидел бы сложа руки, не маялся бы. Для начала придется научиться из сотен разрозненных снимков складывать единую панораму. А то лужайка за иллюминатором видна, нежно-аквамариновая, отравная; дальше – склон ступенчатый, елки на нем белые, полупрозрачные – вот и все, доступное ее пониманию. А вот где они сели, на материке или на острове, на побережье моря-океана или в глубинке – непонятно. Пока шли на посадку, все силы приходилось тратить на то, чтобы со стороны не казаться беспомощным котенком, у которого глаза на лбу и усы дыбом. А сели – тут уже было не до объяснений. Разумеется, и летяги, и Сусанин с Гюргом прекрасно разбирались в ситуации, но не приставать же к ним с вопросами!

А главный вопрос так и крутился на кончике языка: о каких это лабиринтах шла речь в обрывке радиограммы, случайно принятой на Степухе?

Но пока слово «лабиринт» никем произнесено не было, и Варвара решила терпеливо ждать. Прояснится – сами скажут. Не для балласта же взяли ее с собой!

Вторая загадка касалась самих потерпевших. Если экипаж был похищен, то кто дал сигнал SOS? Положим, технически это мог проделать и обычный экспедиционный киб, но ведь не по собственной же инициативе! Значит, кто-то дал сигнал и сам отправился в погоню. И тоже канул в неизвестность. Чтобы попытаться во всем этом разобраться, нужно как минимум припомнить все начинания с момента посадки…

– Привет вахтерам! Как дежурство? – Сусанин в самом буквальном смысле влетел в рубку – раскачался на потолочной скобе, и перепрыгнув через присевшего от неожиданности Туфеля, приземлился точно у ног девушки. – Ох, и здорово же здесь кувыркаться – раздолье Петрушке! Ну, рассказывай.

Еще бы не раздолье, сила тяжести на шестнадцать процентов меньше земной. Вот она отоспит свои шесть часов и тоже запрыгает не хуже Ригведаса. А пока – она свое дело сделала, первую вахту на Чартаруме отстояла.

– Корабль в полном порядке, за время вахты никаких происшествий!

– Да черт с ним, с кораблем! Что с ним сделается. Что за бортом?

– Ничего за бортом…

– Мерзко. Туфель, снимки движущихся объектов имеются – кроме собственного вертолета, как тебе, надеюсь, ясно?

– Шестнадцать.

– Давай смотреть, Варвара. Это по твоей части. Номер раз… Далеко. Что-то на верхнем уступе, да и солнышко уже к закату клонится… Страус?

– Это на горном-то склоне? По-моему, окапи.

– Во всяком случае, отнюдь не вышеупомянутая капибара. Смотрим дальше… Птичка. Номер три… опять птичка. Номер четыре… послушай, птицы это или летучие собаки?

– Послушай, Сусанин, это непринципиально. Прокручивай побыстрее, я спать хочу. Да, кстати, остальных подымать пора.

– Остальных я тоже поднял… Да что с тобой, мать моя, тебе, что, не интересно?

– Напротив, и даже очень. Поэтому крути скорее, что там дальше.

Дальше тоже ничего вразумительного они не углядели – где-то на пределе видимости мелькало нечто четвероногое и достаточно земноподобное, но ближе осмеливались подлетать только птицы – если, конечно, это были не млекопитающие. С такой-то благодатной силой тяжести здесь должно было обитать множество рукокрылых.

– Далеко и несерьезно, – устало проговорила Варвара. – Вот вылезу из этой консервной банки, попробую на ощупь, поснимаю собственноручно, тогда и разговор будет другой. Да, а с вертолета делали прицельные снимки всего живого?

– Естественно, но сюда не передавали. Сейчас я его верну на подзарядку, тем более что проку с него… Короче, выспишься – и будет тебе снимков по самые ушки. Мохнатенькие твои.

Насчет пользы от вертолета – это он от досады. Собственно говоря, для того и послан был этот разведчик, чтобы по инфракрасному датчику фиксировать все живое, – это был простейший способ обнаружения пропавшего экипажа. Правда, в этом варианте как минимум требовалось, чтобы экипаж был еще жив… Но об этом никто, естественно, вслух не сказал. Гораздо больше надежды было на металл – никаких следов цивилизации с воздуха не обнаружили, так что любой сигнал весьма чувствительного металлодатчика, установленного на вертолете, уже приводил бы к решению задачи. Пряжки на поясах, застежки, возможно – оружие. Нет, не могла чувствительнейшая аппаратура проморгать все это.

И тем не менее никакого сигнала за шесть часов полетов не поступало.

Можно, конечно, было предположить, что всю группу похитили в голом виде, но тот, кто дал сигнал бедствия и совершенно очевидно бросился затем в погоню, – он же не мог это сделать без соответствующего снаряжения и хотя бы десинтора? Не рехнулся же он, в самом деле!

Разгадка напрашивалась, но она была столь нежелательной, что Сусанин вслух ее не высказывал – во всяком случае, перед Варварой, которой все равно несколько часов спать, так уж что понапрасну расстраивать. Но девушка и сама догадывалась: подземные пещеры. Тогда становилось ясно, почему с воздуха никаких лабиринтов не было замечено, – они находились где-то в глубине окрестных холмов.

– Ты там на камбузе не догадалась распорядиться? – проговорил Сусанин деланно безразличным тоном.

– Догадалась. Куда подавать?

За время перелета; длившегося почти сорок часов, никому в голову не приходило заглянуть на камбуз – манипуляции с подпространством ни к еде, ни ко сну не располагают. Варвара вдруг почувствовала приступ бешеного аппетита, но насыщаться перед сном она себе не позволяла с детства.

– Никуда не подавать, – буркнул Сусанин, уже колдовавший с корабельным вычислителем. – Мы там, без отрыва от конфорок… Ты-то спи. Через шесть часов разбужу.

– Чрез три!

– Разговорчики на борту! Сказано – шесть!

Варвара показала его спине язык и захлопнула за собой дверь. На площадку навстречу ей выпархивали отоспавшиеся бодренькие спасатели – «Что там? Как там? Варварушка, есть сигнал?» Как будто сами не догадываются, что сигналы – по нулям.

– Я бы вас разбудила.

Предпоследним из кубрика показался Гюрг. Ничего не спросил, поздоровался сдержанным кивком. Только глаза полыхнули – уж если что у него и осталось прежним, так это искры в глазах. Варвара каждый раз поражалась, насколько ей не приходится делать над собой усилие, чтобы казаться безразличной, – это получалось само собой и, кажется, уже в значительной мере соответствовало действительности.

Она вошла в кубрик и увидела Петерса, стоящего на голове.

– Варенька, еще одну минутку! – проговорил он умоляюще, отрывая от пола руку и показывая палец, – вероятно, для большей убедительности.

– А!.. – только и сказала Варвара, отмахиваясь от него и валясь на последнюю в левом ряду койку.

Была такая мечта – раздеться…

Петрушка тихонечко вышел на руках, ногой осторожненько вдавил клавишу выключателя, и в кубрике стало совсем темно. Но в глубине закрытых век бесшумно взмывали и рушились совершенно белые волны, опадала хлопьями седая пена, и в обесцвеченном небе угасали одно за другим пепельные ложные солнца…

– Просили разбудить. Просили разбудить. Просили…

– Фофель?

– Вафель.

– Спасибо, встаю. Включи свет.

Она подняла руку – свинство все-таки спать не раздеваясь – и посмотрела на часы. Так и есть, проспала без десяти минут пять часов. И никакая тренировка на внутренние биологические часы не помогла, трех часов организму, замордованному всеми этими перегрузками и гиперпереходами, было катастрофически мало. Так что самопробуждения не получилось.

И потом – неужели никто не мог проявить если не галантность, то элементарную вежливость? Посылать в таких случаях скоча это… это… Это порождало недобрые предчувствия.

Она вскочила, сунула ноги в легкие спортивные туфли и вприпрыжку помчалась в рубку. На бегу заметила, что дверь в шлюзовую открыта настежь, – не иначе, как что-то грузили. Рубка тоже изменилась: почти вся правая стена была закрыта крупномасштабной картой. Места продольных склеек морщились – еще бы, здесь все делалось в отчаянной спешке, – и сразу бросалось в глаза обилие каких-то овальных и кольцевых структур вроде лунных цирков. Три таких овала были обведены красным. В рубке припахивало краской, как бывало всегда, когда вычислитель что-нибудь вычерчивал.

Слева висел сильно увеличенный снимок какой-то долины, сплошь поросшей многоярусной зеленью. Под снимком располагалась схема каких-то причудливых развалин. Между ними, на том самом месте, где недавно возвышался скоч, стоял Сусанин в легком полускафандре и задумчиво поводил носом то вправо, то влево.

– Доброе утро, – встревоженно проговорила Варвара.

– Доброе, доброе… Так вот: следов никаких. Вертолет тоже пропал – их вертолет, не наш же. Мы идем в свободный поиск. Туфеля и Фофеля мы берем, остальное добро – тебе. Один из скочей должен постоянно дежурить в рубке, другой – тем более постоянно и неразлучно – с тобой. На подзарядку будешь ставить того, что в рубке, на это время сама не спустишь глаз с экрана. Фон все время будет включен, я его заблокировал. Правда, проходимость волн тут паршивая, может, потому мы и SOS приняли не полностью. Дальнейшие инструкции буду передавать с борта, благо мы нацелились тут недалеко… Вот плошка. Геологов с нами нет, поэтому не берусь судить, почему тут такие блюдца вроде кратеров. Этот – восемь километров в поперечнике. От нашей стоянки он сравнительно недалеко, если бы можно было пройти через горловину долины, потом метров двести вниз – то дело было бы в шляпе. Но горловину словно нарочно закидали глыбами, им и скатиться-то неоткуда, не с вертолетов же сбрасывали… Баррикада. Ее-то мы перескочим, но никакие капибары тут не прошли бы. Да эту свалку камней не одолели бы и макаки, а они лазать мастера. Тем более что она – с Нотр-Дам.

– Тогда зачем вы туда собрались? – Варварин вопрос был вполне естествен.

– А затем, что если убрать растительность – вон внизу, на схемке, корабельная считалка произвела это с блеском, – то останется не что иное, как форменный лабиринт!

– Но ведь с воздуха ни людей, ни металла…

– Это еще не самое худшее. Гораздо хуже то, что в радиусе пятидесяти километров предположительно расположены еще два аналогичных аттракциона. И страшно представить, сколько еще за этим радиусом…

Варвара многое могла ему сказать, но только глубоко вздохнула, а потом выпустила воздух сквозь стиснутые зубы – получился шип, как у рассерженной гаттерии.

– Пойми, Варька, тебе остаться – оптимальный вариант.

– Я тебе не Варька. И потом, надо же совесть иметь – вы и на том корабле побывали, а я даже на землю тутошнюю ногой не ступила…

– Это пожалуйста. И даже до того корабля. Только чтобы фон не выключался и скоч, как собака, был при ноге, да с генератором защитного поля. Я же знаю, тебя не удержишь…

– Евгений, время! – крикнули из шлюзовой.

– И ни во что не ввязывайся, вызывай нас. Если вдруг перебои с фоном – три красные ракеты. Можно и больше. Ну…

Он как-то очень неуклюже двинулся к девушке, но она пресекла это движение в самом начале:

– Насколько я понимаю, инструктаж окончен? Три ракеты, и все такое. Есть и спать с включенным микрофоном.

– Кобра, – сказал Сусанин и вышел.

Варвара посмотрела ему вслед, не удержалась и вылезла в тамбур. Из открытого люка несло вечерней прохладой, и было слышно, как скочи, лязгая членистыми манипуляторами, лезут вниз по трапу. «Ну, дети капитана Гранта, отваливаем! – послышался бодрый голос Сусанина. – Вечереет…»

Варвара поежилась – действительно, вечерело, и это обстоятельство отягчалось тем, что сутки на Чартаруме – или Земле Чары Тарумбаева, как она была внесена в космический реестр, – длились восемьдесят четыре с половиной часа. Девушка вернулась в рубку, взяла фон с жестким зажимом и защелкнула его на лацкане куртки. Из сетчатой кругляшки доносился вой разогреваемых двигателей, неразличимые голоса, металлический лязг. «Надо было попрощаться, – пронеслось вдруг в голове у Варвары, – надо было выйти и попрощаться с каждым…»

– Эй, на «Дункане», сейсмического штиля! – донесся вдруг из фона четкий голос Кирюши Оленицына.

– Семь футов под килем! – ответила Варвара.

Теперь шум двигателей доносился уже из распахнутой двери. Варвара не выдержала и выскочила снова в шлюзовую. Машина уже поднялась и, кренясь на левый борт, описывала круг над двумя звездолетами, торчавшими среди долины ровныя, аки два кипариса. На земле крутились подхваченные вихрем листья, но пыли почти не было. Вертолет свечкой пошел в высоту, и Варвара даже не успела разглядеть, кто сидел в верхней кабине под выпуклым колпаком. Впрочем, это было не важно. Главным же сейчас было то, что на этой совершенно незнакомой, совсем не грозной на первый взгляд, но все-таки чертовски опасной планете она практически осталась совершенно одна. «Ну что, голубушка, выбрала себе профессию дальнепланетчика, так не жалуйся и не дрейфь», – сказала она себе.

Впрочем, страха не было. Да Сусанин и не оставил бы ее одну, если бы она была способна в такой ситуации растеряться.

– Норега, не вижу рядом скоча, – донеслось из фоноклипса, прицепленного к лацкану.

– Виновата, исправлюсь. – Ну и голос у начальника экспедиции, как из жестяного ведра, – так и отдает металлом.

Она отступила на шаг и, нашарив на стенке клавишную панельку силовой защиты, привычно набрала параметры ячеек и мощность поля. Овальный распахнутый люк словно подернулся кисеей – в проеме возникла силовая решетка с отверстиями в два миллиметра. Приток воздуха обеспечен, но ни одна насекомая тварь не пролетит. А уж что касается напряженности поля, то теперь дверцу мог с разбега бодать самый крупный носорог. Впрочем, если бы он сочетал свою убойную ярость с прыгучестью кенгуру – от люка до земли было все-таки четыре метра.

Вот и началась вахта номер два. Нет, положительно не так она все себе Представляла! Но приказ командира есть приказ, тем более что условия приравнены к боевым. Варвара вернулась на центральную площадку, где в привычной позе дохлых жужелиц лежали оставленные на ее долю скочи, Вафель и Трюфель.

– Смиррр-на! – скомандовала Варвара.

Скочи мгновенно взвились, как ракеты, и приняли позу «готовность номер один» – опора на кончик бурдюка и два самых мощных двигательных манипулятора, остальные приподняты, как у жуков-оленей, готовых к драке. Жутковатое зрелище, особенно если помнить об их максимальной мощности. Нет, напрасно все-таки назвали их скочами – надо было «жучами» или что-то вроде…

– Кто из вас специализирован на ксенобиологию? – спросила Варвара, не очень-то надеясь на ответ, – ведь такого скоча Сусанин скорее всего должен был взять с собой.

Но на кончике рецепторного хоботка у Трюфеля загорелся пронзительный малиновый огонек, как это всегда бывало в тех случаях, когда скочи хотели привлечь к себе внимание.

– Робот межпланетный, многопрофильный, суперрежимный, бортовой номер «три», – доложил он.

– Ну, вот ты и будешь дежурить в рубке. Любой движущийся предмет – в иллюминаторе, на экране или внутри корабля, кроме нас с Вафелем, естественно, – тут же фиксировать и докладывать мне. Нехудо бы и классифицировать.

«Было бы что», – подумала она, но вслух этого не произнесла. Трюфель, не разворачиваясь, задом вполз в рубку и принял сторожевую стойку.

– Варвара, что там у тебя? – донеслось из нагрудного фона. Девушка глянула в иллюминатор: черная мошка кружила над хаосом завала на выходе из долины.

– Вертолет… – начал Трюфель.

– Домашний, обыкновенный, – подхватила Варвара. – Вижу. Нет, это не тебе, это я коллег к делу приобщаю. Вместо этой пары мне бы одного Полупегаса…

– Лопай, что дают.

– Евгений Иланович!!! – и как только фон выдерживает?

– «Жалобная книга», А Пэ Чехов. Между прочим, здесь два столба и между ними – определенно искусственный завал.

– Фермопилы, – вставил кто-то тенорком.

– Все бы ничего, да приборы взбесились… Ух, ты! Варвара замерла, вслушиваясь в тревожную паузу. Донесся пронзительный звон. Да, если бы это были просто Фермопилы!

– Теперь магнитная аномалия… – буркнул Сусанин. – А до этого высотомер вдруг ноль показал. Надо бы покрутиться тут, да солнце низко. Пошли мы дальше, если долго не будем выходить на связь – не волнуйся. Сама сообщай обо всем интересном. Ну, не до тебя сейчас…

Вертолетик сделал еще один круг, потом начал уменьшаться и, наконец, растаял в сиреневатой дымке.

– Вафель, – сказала Варвара, – а ты будешь при мне. Неотлучно. И с генератором защитного поля. Только прежде, чем обременять себя лишней тяжестью, накорми-ка ты меня.

Она подняла глаза и поглядела на корабельный хронометр: Степуху они покинули ровно пятьдесят девять часов назад. Нет, с минутками. Варваре вдруг пришло в голову, что впервые в жизни она живет буквально не по дням, а по часам. Но на этой нелепой Чартаруме иначе нельзя.

И наверное, не часы, а минуты считает злополучная пятерка с корабля, пославшего SOS. Что с ними приключилось? В такие экипажи тоже ведь не желторотиков набирают. Она поискала глазами среди записок, засунутых под стекло, – где-то тут должна была находиться копия списка, найденного на пустом кораблике. А, вот: Чары Тарумбаев, Фюстель Монкорбье, Игорь Боровиков, Ом Рамболт, Иван Вуд. Ни одной знакомой фамилии. И есть хочется, и кусок в горло не лезет, как подумаешь, что там с ними…

– Вафель, супу!

В золотистой мисочке плавают поджаристые гренки, неторопливо утопая в ромашково-желтом горохе. Тисненая медалька сливочного масла и рыжая корочка пшеничного хлеба. Там, за иллюминатором, катастрофически не хватало теплых янтарных тонов, и сейчас этот маленький кухонный столик, застеленный шоколадной клеенкой, казался частицей далекой золотоносной Степухи. Дали небесные, как, выходит, можно тосковать по едва обжитому дому, даже если этот дом не на Земле. Она вдруг припомнила полные бокалы над

свадебным столом и первые капли, с языческим благоговением пролитые на траву Майского Луга. И она со своей щенячьей самонадеянностью, и Лерой – рядом.

Живой.

Она отодвинула пустую тарелку, стиснула локти и опустила подбородок на скрещенные руки. А что, если она больше никогда не вернется на Степуху? И вся остальная жизнь пойдет вот так, последним номером в чужой команде? Вроде запасного игрока… Но ведь она сама выбрала этот путь и сама решила больше никогда ни на йоту не отступать от того, что она называла «стать прежней Варварой». Стала.

Так в чем же она была не права? Почему она сидит в этой консервной банке, как третий скоч?

Значит, где-то все-таки была допущена ошибка. Просмотреть, как на видеоленте, все с самого начала, благо времени, тягучего и бесполезного, больше чем достаточно. И самое легкое найти это начало. Потому что было так…

* * *

Новая лихорадочно застраивалась. Вместе с отбывшими телятами на Большую Землю был послан непомерный даже по космическим масштабам запрос – люди, оборудование и еще и еще люди. Все это нужно было разместить, и уже не во времянках, а капитально. Новая становилась столицей, окрест планировались базы и поселки, особенно на побережье. Как и подобало столице. Новая в первую очередь обзаводилась музеями – действительно, какой смысл хранить экспонаты на складах, если можно было расположить их в доступном для обозрения месте? Строительного камня было навалом, площади не ограниченны, кибов вдосталь – сооружения росли, как грибы. Только что Гюрг с Оленицыным и кем-то из бывших маринисток закончил доставку сюда громадных каменных блоков, выпиленных из пресепторской стены вместе с золотым тайником. Сейчас эти блоки, снова сцементированные воедино, высились прямо посредине одной из центральных площадок, и кибы с молниеносной быстротой возводили вокруг сейсмоустойчивый каркас.

Варвара терпеливо ожидала, когда же Гюрг со своими подручными покинет место стройки, – ей надо было сделать точнейшие снимки для отправки на Большую Землю со следующим же кораблем. Она старательно избегала таких встреч, но уж если все-таки им приходилось сталкиваться – не шарахалась в сторону, втайне изумляясь тому печальному спокойствию, с которым она освобождалась от захлестывающих ее воспоминаний. Еще бы, многолетняя привычка: когда ныряешь, тем паче неожиданно, обязательно глотнешь горько-соленой воды. Привкус соли еще оставался.

Что изумляло ее гораздо больше, так это поведение Гюрга. Она боялась навязчивости, грубо подстроенных ситуаций, психологических силовых приемов. Ничего не было. Сначала девушка взвалила вину на Сусанина – несмотря на недвусмысленный отказ, начальник биосектора вел себя так, словно не сомневался в успехе. Варваре приходилось буквально на каждом шагу ставить его на место. Его заботливая фамильярность и неизменное «ты» только копили порох для неминуемого взрыва, и однажды, искоса глянув на Гюрга, Варвара почувствовала, что бывший ее командор так спокойно и снисходительно воспринимает все выпады Сусанина в сторону Варвары именно потому, что убежден в ее неуязвимости. А сам он не предпринимал ничего, будучи уверен, что рано или поздно это за него сделает случай.

Так было и в то утро: Гюрг заканчивал работу с «Золотой кладовой», а Сусанин донимал Варвару результатами зондовой съемки. С тех пор как нападения на всякую аппаратуру как на воде, так и над водой внезапно прекратились, все имеющиеся зонды были брошены в район рыжих островов. Мешала постоянная пелена тумана, но инфракрасная и ультразвуко-

вая техника кое-какие результаты давала. И главный вопрос, мучивший и Сусанина, и Варвару – куда же подевались аполины? – пока стоял на первом месте.

– В радиусе ста миль – ни одной особи, представляешь? – кипятился Сусанин. – Полезешь под воду? Я сам буду страховать.

Варвара только пожала плечами. Под водой она уже бывала, и с нулевым результатом, а страховка Сусанина ее не особенно приводила в восторг. Она бесцельно перебирала снимки, сделанные с разных высот, и дивилась собственной апатии. Хотя – ждать нечего, тоска беспросветная… Она подперла щеку рукой и бездумно глядела на юг, туда, где должно было находиться море. Они с Сусаниным расположились на крыше биокорпуса – в новом городке все здания сооружались на манер мексиканских гасиенд – ровная площадка, окруженная балюстрадой, хочешь – симпозиум проводи, хочешь – в пинг-понг играй. Как правило, чередовали и то и другое. Внизу метался Тогенбург, видно, съел что-то неподходящее, блеял и припадал к земле. Варвара не выдержала, подошла к перилам и свесилась вниз, и в тот же миг на горизонте полыхнуло давно не виденной грозой, и в промежутке между пирамидальными кедрами начало расти что-то очень далекое и призрачное, неправдоподобное и потому не страшное. Сусанин все еще бубнил что-то свое, а Варвара махала рукой, не находя слов, и он наконец понял, подскочил к ней и замер, глядя на вытягивающуюся вверх стрелу, оперенную белыми клубами. А потом все стало потихоньку таять.

– Направленная аннигиляция, – тихо проговорил он. – Все-таки программа самоуничтожения была…

– А кто на берегу?.. – обернулась к нему Варвара.

– Никого, к счастью.

Никого. Хоть на этот-то раз – никого. Пронесло. Так вот почему исчезли аполины!

– Ну, будем надеяться, что это финальная катастрофа, – сказал Сусанин, в последние дни настроенный на беспробудный оптимизм. И следом за его словами прилетел грохот, запоздалый и никого не способный напугать. Но люди только сейчас почувствовали что-то неладное и повыскакивали из помещений, справедливо опасаясь землетрясения.

– Женька, что там у тебя видно? – крикнул кто-то снизу.

– Да, в сущности, ничего – Пресепторию нашу разнесло начисто и окончательно!

И только сейчас Варвара вспомнила, что в таксидермичке оставался Полупегас. Левый.

– Надо на берег, – сказала она с тихим вздохом. – Подранков собирать.

– Сейчас нельзя – вертолет не вытянет. Шквал.

– А… там, на побережье, не могли поставить защиту?

– Кто?

– Кибы, скочи… Мало ли кто.

– Наша защита тоже не на любую мощность. Как говорится, и на Степуху бывает проруха. Что, Пегас?..

Она промолчала. Впрочем, собираться стали тут же, на недавно отремонтированную дорогу вылез грузовик, набитый добровольцами – и, естественно, Варвара была в общей массе; работа оказалась страшнее и грязнее, чем можно было увидеть в самом страшном сне, и когда утихли шквалистые ветры, взад-вперед замотался вертолет, обретший статус ветеринарного транспорта, и только на седьмой или восьмой день, перевязав и зашив кого можно и захоронив всех придавленных и истекших кровью животных, спасатели вдруг с удивлением отметили, что за все эти дни они не видели ни единой асфальтовой гориллы.

Никто не отдавал никаких команд, просто кто-то улетал на Новую и не возвращался, да и четвероногих пациентов в изломанной, словно изжеванной каким-то чудовищем чаще почти не встречалось. Варвара с Кирюшей бродили по кромке воды, потому что вся галечная полоса была загажена разлагающимися останками рыб и водорослей. Варвара сейчас не могла припомнить, утро это было или уже вечерело, но грязные буровато-лиловые волны

впервые за эти дни вдруг приутихли, лишь кое-где оттененные сравнительно чистыми оборками пенной белизны. Было невыносимо отвратительно, как на кладбище, на котором взорвалась залежалая с давних времен бомба.

Она невольно искала то место, где совсем недавно торчал из зыби морской ничем не приметный ржавый пригорок острова. В море как будто ничего не изменилось – уцелевшие острова, как кочки на болоте, едва приподымались над водой, припорошенные пеплом взрыва. И черный плавник по-акульи резал воду, не оставляя за собой борозды.

– Смотрите-ка, аполин! – крикнул Кирюша, как будто увидел Деда Мороза.

Вернулись, значит. Варвара постояла, глядя себе под ноги, потом повернулась спиной к морю и, хлюпая по комьям тины, пошла прочь. Троекратно выгнутый корпус биолаборатории уцелел, снесло только крышу, вышибло окна и двери. Ветер пронизывал пустой каркас, словно это была развалина столетней давности. Да, пришельцы строили понадежнее. Варвара обошла цокольный выступ. Сзади пряталась от периодических шквалов палаточка радиста, и безработный Сегура, бравшийся помогать всем и во всем, сидел, скорчившись, едва умещаясь под защитным пологом.

Услышав шаги, он поднял палец. Варвара поняла и пошла уже на цыпочках. «Да, да… По направлению?.. Да справимся мы с Гришкой! Сей минут будем. Нас тут всего-то трое. Ждите!» – Он оторвался от фона:

– Зовите Кирилла, срочно возвращаемся на Новую. Только что принят SOS. Что-то невразумительное. Кто-то кого-то украл.

– Кирюша, к вертолету! – крикнула девушка. – Путают они. Кроме нас, сейчас никого вне территории Новой не имеется. А нас не крали.

– Да не про Степуху речь. SOS с соседней звезды, то есть с одной из ее планет.

Подбежал, оскальзываясь на стеклянном крошеве, Кирюша и прислонился к щербатой стенке, переводя дыхание.

– Поехали, – сказала Варвара. – В воздухе разберемся, что к чему. Но разобраться в воздухе не удалось. Наскоро пробормотав текст фонограммы, Сусанин куда-то умчался, – как поняла Варвара, – митинговать. Подлетая к Новой, Сегура заложил крутой вираж и спланировал на одну из свободных и пока безымянных площадок в самом центре поселка. Сверху успели заметить, что митинг имеет место на крыше только что отстроенного вивария – человек шестьдесят, кто в шезлонгах, кто на надувных пуфах, а большинство просто на перилах.

– Ну вот и Кирюша с Сегурой, – проговорил Сусанин таким тоном, что стало ясно: за прибывших уже все решено. – Итак, дети капитана Гранта, «Дункан» под парами. Кровь из носу, но завтра должны стартовать.

Кирюша только расплылся в улыбке – ему явно было все равно, куда стартовать и зачем. Он был счастлив, что наконец-то попал в одну команду с Сусаниным. Но Сегура был мужик основательный.

– Давай-ка, Евгений, еще раз все по порядку. Текст оборван с двух сторон. На каком этапе?

– Вопрос резонный. Мы получили точку-пакет с ближайшего гиперпространственного буя. Получили первыми и практически без задержки. По каналам гиперсвязи пакет пошел на Большую Землю; со всеми переходами, энергонакоплениями, коррекциями это как минимум три-четыре дня. И не спорьте, я на этом собаку съел. Обратного адреса в пакете нет, но буй автоматически дал точное направление. Звезда в нашей зоне дальности по этому направлению одна-единственная, планеты у нее две, но ближайшая к светилу для высадки не подходит: там жарковато – вроде нашего Меркурия. Следовательно, остается вторая. Затруднения, уважаемые мои спутники, в том, что планета не описана.

– Как так? – изумился Келликер.

– А вот так. Она – последняя, внесенная в космический каталог. Свеженькая и тепленькая. Открыта группой Чары Тарумбаева и, следовательно, носит его имя. Вот все, что нам известно. Закавыка в том, что кораблик у нас маленький, много не нагрузишь, значит, снаряжение надо выбирать безошибочно. Спрашивается, как это сделать? Твое мнение, Гюрг?

– Прежде всего, кое-что мы знаем. В тексте есть слово «Капибара», а это, насколько я понимаю, просто громадный грызун вроде морской свинки. Следовательно, животный мир аналогичен земному. Отсюда – и аналогия физических условий.

– Э-э, – протянул Сусанин, – твоими устами да мед бы пить. На Большой Земле это крупнейший грызун, а там, не исключено, самый мелкий. Мышка, с позволения сказать, полевая. Тогда крысы там величиной с бегемота… А если они к тому же еще и летучие? Запросто. Тогда наш вертолет ни к черту не годится.

– Ваш вертолет, – несколько высокомерно обронил Гюрг. – А наш в полевых условиях может использоваться как вездеход, лопасти снять – пятиминутное дело. Под водой худобедно ползает.

– А скорость?

– До семидесяти.

– По шоссе? – язвительно вставил Артур.

– А у вас есть выбор? К тому же, вертолет уже погружен на наш корабль.

– Пюсик… – вздохнул кто-то на перилах. Но уважительно. Варвара не поняла, но спрашивать сейчас было не время.

– Ну и само собой – команда, – заключил Сусанин. – Минимум. Пилоты – Сегура и Эболи… Манук Илириевна, Гриша у меня с койки не встанет, окромя ананасного сока глотка не сделает, об вылезти на поверхность даже не заикнется. Клянусь двумя Медведицами! Мы с Гюргом – это четверо. Врач нужен позарез, причем врач, пригодный к боевым действиям в свободное от медицины время. Это Дориан. Кроме того, беру биологов, и не потому, что своя команда, а в силу тех же загадочных капибар и прочей нечисти. Итого семь. Оленицын и Ригведас, останьтесь, остальные свободны и прошу ко мне не приставать.

– Тем не менее, – пробасил Жан-Филипп, – не как начальник тамерланской базы, а как геофизик должен заметить, что спасательные работы на незнакомой планете без специалиста моего профиля… Короче, я просил бы включить меня в группу.

Варвара из-за Кирюшиного плеча с любопытством наблюдала за происходящим – не хотела бы она сейчас очутиться на месте Сусанина. Но и того не так просто было сбить с твердой позиции.

– Геофизик желателен, – проговорил он уклончиво, – как, впрочем, и добрый десяток других профессий. Дело в другом, Жан-Филипп, и вы меня поймете. Дело в субординации. В спасательной группе командир должен быть один, и ни-ка-ких конкурирующих авторитетов. С вами мне будет трудно.

– Я понимаю…

«А Лероя он бы взял», – мелькнуло вдруг в голове у Варвары. И, может быть, не только у нее.

Вокруг Сусанина осталась шестерка избранных. Варвара подождала, когда на крыше станет совсем немноголюдно, спрыгнула с перил и направилась навстречу общему потоку.

Ни Сусанин, ни Гюрг в этот момент на нее не смотрели, но оба каким-то шестым чувством уловили ее приближение: Гюрг выпрямился, невидящим взглядом уставившись куда-то поверх крыш, а Сусанин развернул плечи и весь подобрался, приняв боевую позу, словно на него шли с кулаками. По мере того как девушка подходила, вид у него становился все более и более петушиный. Варвара уловила это мгновенно и взъярилась так молниеносно, как умела только она. «Жалко, я не пантера, – усмехнулась она про себя, – сейчас бы у меня

шерсть на загривке встала дыбом и хвост бешено хлестал по бокам…» И Сусанин струсил – решил отбить нападение, не дожидаясь первого выпада:

– Ну а ты-то, ты куда? – спросил он нарочито грубо.

И опять это его хамское «ты», и все еще вдобавок уставились, словно тут им вольер с клетчатыми тапирами…

– Туда же, куда и ты, – сказала она негромко, но с ударением на каждом слове.

И повисла пауза. Она тянулась и тянулась, и в этой растерянной тишине Варвара вдруг почувствовала, что все по-разному поняли ее слова. Мало того, она и сама ухватила за кончик хвоста какую-то очень далекую ассоциацию… Вертится, да в руки не дается. И Евгений свет Иланович, похоже, в шоке.

Но Евгений Иланович уже вышел из шокового состояния. В лице его что-то мелькнуло – словно чуть было не растянулась от уха до уха блаженная ухмылка, но он вовремя спохватился, и выражение просто смягчилось, став обычным деловым.

– Ножик только свой не забудь, – бросил он так, словно вопрос о ее участии в экспедиции был для него давно решен.

Варвара подумала, что поменяйся они местами – и за такую реплику она получила бы от него традиционное: «Кобра!» Но от «кобры», к сожалению, мужской род не образуешь – не «кобер» же в самом деле! И, как это иногда бывает, стоило ей отвлечься, как тут же само собой вспомнилось то, что минуту назад маячило весьма смутно и волевым усилием из памяти не выцарапывалось. «Где ты, там и я» – ведь это звучало почти так же, как древняя, чуть ли не античных времен, формулировка: «Где ты, Кай, там и я, Кайя». И употреблялась эта формула в строго определенной ситуации, под мендельсоновский марш.

Она искоса глянула на самодовольную физиономию Сусанина и фыркнула. Миновали античные времена, были и быльем поросли. И я тебе – вот именно, ТЕБЕ – это сейчас продемонстрирую. Чтобы не ухмылялся про себя.

Она сделала шаг вперед и встала рядом с Гюргом – два летчика, два биолога и два члена Голубого отряда. Вот так это и надо понимать. Но Сусанин не понял – на него наседал Сегура:

– Послушай, Евгений, ты ведь на мой вопрос практически не ответил…

– Ну что мы будем долго разговаривать? В полете найдем время. Где усекли фонограмму? Ну уж конечно, не на приеме. Пакет пришел из собственной зоны дальности, не деформирован; следовательно, так его и отправляли. Зашифровку и отправку осуществлял корабельный киб, принявший текст от кого-то из членов экипажа. Вероятно, связь прерывалась. Между прочим, текст не на общепринятом космолингве, а на английском. Так что мы теперь в положении детей капитана Гранта – знаем только направление и часть текста.

– Да по нашим временам и этого больше чем достаточно, – флегматично заметил Сегура. – До планеты микроскачок в подпространстве, благо зона своя и заправляться на буйке не надобно, а пюсик найдем по пеленгу. Вы давайте грузитесь. Попытаемся сняться завтра поутру.

Назавтра поутру не снялись, закончить погрузку удалось к обеду. На борт Варвара явилась в блистательном комбинезоне стратегической разведки.

О перелете вспоминать не хотелось – от Степухи уходили на двух "g" без передышки, потом болтанка в гиперпространстве, тянется это бесконечно, и совершенно непонятно, как корабельный хронометр умудряется фиксировать независимое время. Из подпространства вылезли не очень близко от искомой планеты, опять пришлось помучиться. Но когда легли на орбиту, вдруг началась полоса везения. Оказывается, поисковики (на космофлоте их звали попросту «шатунами») успели все сделать по инструкции – завесили спутник-зонд, с готовностью подключившийся при первом же вызове; на их корабле, как положено, работал автопеленг. Спутник приятным и даже не металлическим голосом сообщил, что планета названа

в честь капитана Землей Чары Тарумбаева, или просто Чартарумой, и обрушил на спасателей целый каскад данных. Наиболее отрадным было то, что атмосфера и микрофауна позволяли людям находиться на Чартаруме без скафандров.

Сусанин не стал тратить времени на лишние витки и отдал приказ автопилоту садиться точно по пеленгу.

Кораблик поисковиков стоял в узкой уютной долинке, словно на зеленой ладошке. Чартарума пленяла своей симметрией: увенчанная громадными ледяными шапками на полюсах, она была опоясана широким кольцевым материком; белая полоса по всему экватору говорила о том, что материк этот, в сущности, представляет собой громадный горный хребет, плавно понижающийся в обе стороны, от вечных снегов до приморских низин. Впрочем, узкие языки фьордов довольно далеко забирались в глубь материка. Что отличало Чартаруму от Земли, так это невероятное множество круглых озер, расположенных на склонах хребта; от одного озера к другому тянулась белая кудель водопадов. Все это вместе напоминало старинные «фонтаны слез», где из одной раковины в другую безостановочно каплет ледяная звонкая вода. Впрочем, некоторые из этих круглых выемок были сухи, и на фоне каменистых склонов выделялись ядовито-фисташковой растительностью.

В таком-то уютном лежбище, только не круглом, а удлиненном, как ладья, и приютился маленький, автоматически попискивающий кораблик. Если бы не пеленг, его можно было бы проискать целый год. На запрос с воздуха он не ответил. Сегура с Гришей Эболи умудрились подсесть к нему под самый бок. Кораблики были однотипны и смотрелись как близнецы; разделяло их не более двухсот метров. Входной люк первого звездолета был открыт, лесенка спущена, на низкой – по щиколотку – траве не осталось никаких следов. И шевеления во всей долине не наблюдалось, только вверху кружило что-то вроде стервятника. Нужно было идти, и Сусанин скомандовал:

– Гюрг, Дориан, Туфель – за мной. Остальные на местах. В случае вызова разрешаю выход Сегуры и Оленицына с любым из скочей. Больше – никому.

Замкнул клапаны скафандра и двинулся вниз, не дожидаясь, пока спутники оденутся.

Варвара глядела в иллюминатор: Сусанин, оторвавшись от лесенки, вдруг как-то по-детски запрыгал, и только тут Варвара почувствовала, как это славно-двигаться в поле уменьшенной тяжести. Но прыгать прямо здесь, в рубке, было неудобно, и она справедливо рассудила, что это удовольствие от нее не уйдет. Сейчас все выяснится, куда лететь, каким образом спасать, и она тоже выпрыгнет наружу, на эту зеленую, манящую травку, и они отправятся; совершенно непонятно, что будет потом, но ясно одно: это «потом» составится из молниеносных, пружинистых действий, и надо сейчас собраться, накопить сил, подобно свернутой металлической спирали… С силами, правда, было не очень-то. Она сцепила руки за спиной и, прогибаясь назад, незаметно для других потянулась. Тело отозвалось тоскливым, ноющим неповиновением. Слишком много часов – именно часов, ибо отсчет времени сутками потерял всякий смысл, – продолжалось бессонное мытарство.

Что это я все о себе да о себе, рассердилась Варвара. В самом деле, никто ведь не отдыхал, тем более те, кто уже двинулся к сиротливо торчащему напротив них кораблю. Она прижалась к иллюминатору – в поле зрения появился красный скафандр, это Сусанин, за ним, приподняв ощетинившуюся хеморецепторами морду, на шести опорных манипуляторах шустрил скоч, за ними двигались еще двое – в зеленом неудачного оттенка, почти сливающимся с тутошней травой, и в лиловом. Она не видела, во что облачались Гюрг с Дорианом, но по росту легко было определить, что Гюрг замыкал шествие. Шли они быстро, не озираясь по сторонам, и, глядя им вслед, Варвара впервые ощутила странное беспокойство, какое возникает при столкновении с чем-то неестественным. Что же?..

Пожалуй, вот что: уж слишком ровной была поверхность. И травка – как на стадионе. И – как на стадионе – ничего в ней живого. Да нет, чушь. Поверхность сглажена естественным

образом, лавовый поток или вода; травка больше похожа на мох, так что все естественно. И вообще, из этой консервной банки ничего не почуешь. Выбираться надо, только вот Сусанин запретил. Ну это мы тоже переломим, пусть только вернется. Тогда и настанет время пощупать все руками, уловить придирчивым носом, а пуще всего – спиной. Она сызмальства привыкла, что самый чуткий приемник опасности – это спина.

– Аппаратуру разбирать будем? – спросил сзади Петере. Собственно, он должен был не спрашивать, а распоряжаться – как-никак он младший научный, а она только лаборантка.

– Пока – только стереовизирный комплект, – сказала она. – Леший его знает, может, и не до того будет.

На корабле, как полагается, есть пара камер, но они хоть и с автоподстройкой на дальность, но без малейшего соображения: включил – они и снимают все подряд. Такого добра, наверное, и у этих горе-поисковиков с три короба наберется. Варвара с Петрушкой проворно вскрыли свой контейнер, приладили на один из иллюминаторов телеобъектив, держащий под прицелом второй кораблик и дорогу между ними, а затем уже из люка, испросив разрешение Сегуры, запустили вверх по корпусу корабля «коалу» – самодвижущуюся камеру на присосках. Подобно австралийскому медвежонку, от которого она и получила свое прозвище, эта компактная тридцатишестиобъективная установка имела свойство двигаться вверх, куда бы она ни была запущена – на осветительный столб или на склон Монблана, – и не останавливалась, пока не достигала вершины. И здесь она деловито поползла по титановой поверхности, пока не утвердилась на самой верхушке торчащего, как минарет, корабля.

Теперь надо было задать фиксационную программу, чтобы обе камеры не тратили даром пленку на катящиеся по склону горы камни, шаровые молнии, град, а также насекомых, червей и прочую мизерную живность. Сейчас во внимание принималось только то, что могло оказаться повинным в исчезновении предыдущей экспедиции. Дело не такое уж мудреное, но пока все отладишь, не один десяток снимков приходится порвать и спустить в утилизатор. За трудоемким этим делом Варвара и не заметила, как один за другим включились вспомогательные экраны, по воле Сусанина соединенные с покинутым людьми кораблем, информаторий начал заглатывать данные, собранные Чары Тарумбаевым и его товарищами за ту неделю, которую они провели на такой непримечательной с первого взгляда планете, как эта Чартарума.

Вскоре появился и сам Евгений, без шлема, в расстегнутом скафандре, навьюченный всяческими пакетами. Снимки, кассеты, катушки магнитных нитей – когда ко всему этому прибавился груз, доставленный Гюргом и Дорианом, то стало ясно, что надо выбирать одно из двух: или отправляться на поиски пропавшей экспедиции, или зарываться во всю эту кучу разнородной информации на много часов. Сусанин выбрал промежуточный вариант: пустил запись задом наперед и на страшной скорости просмотрел отправку разведывательного вертолета. Ничего особенного, четверо погрузились в стандартную, не в пример стратегической двухъярусной стрекозе, машину и отбыли прямо на юг, пройдя между скошенными, как две Пизанские башни, скалами, служившими воротами этой уютной долины. Ворота, правда, были забаррикадированы циклопическими глыбами, в правильных плоскостях которых при желании можно было усмотреть руку – или манипулятор – гуманоида. Правда, в последние три века подозревать подобное на Большой Земле почему-то считалось дурным тоном…

Как следовало из просмотренного, а также из бортового журнала, который с трех сторон (включая середину) прослушивали тоже на повышенных скоростях Сегура, Гриша и Оленицын, выходило, что на вахте совершенно спокойно остался ксеноботаник Вуд Иван Волюславович, заполнявший бортовой журнал восторгами по поводу внешнего скелета сухопутных кораллов, открытых им где-то вблизи корабля. Заканчивалась запись недоумен-

ным: «Слоники? Десятка два…» Судя по хронометру покинутого корабля, сигнал бедствия был послан спустя шестнадцать часов после упоминания о слонах.

– Проклятье, – пробормотала Варвара, – вот уж не везет так не везет… Само собой, приземление корабля поисковиков могло распугать – и распугало – всю живность в пределах нескольких километров, но в такой ложбине на склоне массивнейшего горного хребта увидеть слонов, пусть даже маленьких – это неизвестному ей Вуду совершенно невероятно повезло. А ей вот – нет. Хотя зачем на первый случай такие капитальные твари, как слоны?.. Ей уже начала мерещиться неповторимая вольность ее первых месяцев на Степухе. Может, повезет во второй раз, оставят ее здесь организовывать зоологический музей Земли Чары Тарумбаева?

Ее мечты были безжалостно прерваны Сусаниным, принявшим наконец решение, провести разведку с воздуха, а пока – всем спать. За исключением Варвары, которой была доверена первая вахта. Она несколько раз обошла весь корабль, потом пересмотрела те пленки, где шевелилось вдалеке что-то живое и довольно крупное. К сожалению, почти все было сделано в инфракрасном излучении, ночью, да еще и автоматикой. Нет, пора ей было брать все в свои руки!

Она прослушала выборку из бортового журнала, те места, которые вызывали недоумение: «Оптические аномалии… Половодье… Волчий глаз… Наведенный экран… Лыко…»

Доверенный ей «Дункан», как теперь неукоснительно называли их космический корабль, был в совершеннейшем порядке, экипаж спал здоровым сном, обеспечивающим этим великовозрастным «детишкам капитана Гранта» максимум сил для всех последующих подвигов, и единственное, что здесь было непонятно, так это одно: зачем здесь присутствует она, Варвара Норега? Посадили приборы сторожить, а ведь с этим прекрасно справляется и скоч. И вот она сидит перед экранами, и почему-то кажется ей, что корабль абсолютно пуст, как пуста эта планета, и если ее бесподобная пара – Пегас и Пегги были не просто собеседниками и коллегами, а чуть ли не друзьями, то со скочами не то что не поболтаешь, даже не чувствуешь себя в безопасности. Пустое место.

И главное – почему-то нет совершенно естественного ужаса перед бедой, грозящей этим исчезнувшим людям. Там, на Степухе, когда они лихорадочно собирались, что-то похожее было. А сейчас – нет. Планета холодна и безразлична, да еще и сам текст фонограммы… Ну, значилось бы, что разведчиков похитили медведи. Или удавы. А то – грызуны! Это ж несерьезно. Все равно, что «экипаж похищен кроликами». Вот уж нелепица, прямо «Алиса в стране Чары Тарумбаева».

И как же это так получилось – ведь все вроде было правильно, перечеркнула она и стерла в памяти свою принадлежность к Голубому отряду, и вроде бы стала прежней, и шла прямым путем – легкая, хмурая, усатая, никому не подчиненная.

И тем не менее выходило, что медленно и неприметно кружит она на одном месте, словно фиалка в омуте…

Она вдруг встрепенулась, отряхиваясь от невеселых своих воспоминаний. Сколько же времени она так просидела? Почти час. И ни одного сигнала с вертолета.

– Сегура, Эболи, вы меня слышите? Отвечайте! Ничего из решетчатой плошки фона, даже характерного треска. Варвара вскочила и помчалась в рубку.

– Вафель, проверь связь! Трюфель, что за бортом?

– Предположительно перепончатокрылые. Несколько сотен.

– Вафель, почему не отвечает вертолет?

– Связи нет. Корабельная аппаратура работает нормально. Нормально! У-у, дубина. И ведь вечереет, а если учесть их близость к экватору, где ночь и день почти равны, то предстоит больше сорока часов темноты…

– Вы, оба, делайте что угодно, но чтобы связь была! Скочи взметнулись на дыбы, но в тот же миг с лацкана донесся приглушенный, но вполне узнаваемый голос Оленицына:

– …меним винт, а пока Петрушка произведет анализ этих обрубков…

– Кирилл! Кирилл, вы меня слышите? – закричала Варвара. – Почему вы так долго молчали?

– Мы молчали? – изумился голос, идущий снизу. Варвара сдернула фоноклипс с куртки и, держа его в обеих ладонях, поднесла к самым губам.

– Я не слышала вас почти… около часа. Уже скочей вздернула по тревоге.

– Но Евгений Иланович говорил с вами и про сигнал рассказал, слабый такой сигнальчик, но определенно металл. Наш инфрак дает очень неопределенный контур, что-то вроде ноги, притом значительно выше уровня земли. Мы хотели высадиться, но сплошная чаща, здоровенные такие баобабы… Вы еще на это ответили, что, мол, проклятье и не везет… Я сам слышал…

– Это я, наверное, пробормотала вслух, – растерянно проговорила Варвара, – но к вам это не относилось. Так, вспоминала. Но вы меня услышали, а я вас нет. Мне это не нравится.

– Ох, как много и мне здесь не нравится! – отозвался Кирилл.

– Да, а что там у вас с винтом?

– Мы хотели спуститься по лесенке – ну, там, где какой-то металл – и не успели зависнуть, как с вершины дерева на нас напали зеленые змеи.

Судя по всему, все-таки растения вроде лиан. Петрушка сейчас с экспресс-анализатором возится. Одна особь попала в винт, прочность невероятная, вот и покалечили малость. Не ждали, потому что… – он слегка задыхался. Отчего бы?

– Если такие лианы, то здесь, по-видимому, просто царство рукокрылых, иначе кого бы им ловить? На горизонте все время кто-то мелькает, но далеко – распугали мы всю живность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.